

— В отличие от склонов, с вершины горы открывается совершенно иной вид. Быть может, оттуда можно узреть величие этого мира?

Тан Шэнь собирался ответить, но вдруг замер и уставился на Лян Суна.

— Учитель... так вы привели меня сюда не ради прогулки и отдыха?

Лян Сун спросил в ответ:

— А когда это я говорил, что мы идем развлекаться?

Тан Шэнь невольно рассмеялся:

— Вот оно что! Когда вы велели мне переписывать книги, это было испытанием моего каллиграфического мастерства — вы хотели, чтобы я писал мелким почерком Гуаньгэти. Но зачем вы привели меня в горы, я до сих пор не понимаю.

— Послезавтра тебе предстоит сдавать уездный экзамен, — заговорил Лян Сун. — Волнуешься ли ты? Страшишься ли?

— Сказать, что не боюсь вовсе — значит солгать вам, учитель. Но и сильного страха я не испытываю.

— Ты самонадеян, но хотя бы честен. Тан Шэнь, ты приехал в управу Гусу полгода назад, а моим учеником стал четыре месяца назад. За это время ты написал более двухсот сочинений. Сделал ли ты для себя какие-то выводы?

Тан Шэнь задумался:

— Учитель считает, что я пишу плохо?

— Нет, ты пишешь очень хорошо.

— Учитель?

— Знаешь ли ты свои сильные и слабые стороны?

Тан Шэнь растерялся.

— Твой недостаток в том, — продолжил Лян Сун, — что твой слог зауряден, и ты порой допускаешь мелкие ошибки в чередовании тонов. Но твое достоинство — в свободе и безудержности мысли!

Тан Шэнь внезапно все понял.

За прошедшие четыре месяца Лян Сун заставил его написать более двухсот восьмичленных сочинений. Он учил Тан Шэня тому, что такое «вступление» и что такое «основная часть». Восьмичленные сочинения требовали строгого соблюдения формата, вплоть до мелочей вроде чередования тонов в отдельных словах. Лян Сун, подобно самому взыскательному наставнику, не прощал Тан Шэню ни единой оплошности.

Однако он ни разу не учил Тан Шэня тому, как именно нужно писать эти сочинения!

Он преподавал форму, соразмерность фраз, обязательные шаблоны и структуру

восьмичленного стиля.

Но он никогда не пытался исправить мысли Тан Шэня.

— Шэнь-эр, в твоих вступлениях к темам часто сквозит глубокое понимание. Ты всегда мыслишь нестандартно. Как в тех строках: «Небо и земля исполнены праведного духа, что принимает разные земные формы» — у тебя есть собственный дух! Твой взор устремлен дальше, чем у многих других, он шире, и мысли твои свободнее и глубже, чем даже у твоего учителя. Я хочу, чтобы ты твердо запомнил: в этом мире много гор, и все они разные. Никогда не ограничивай себя одной вершиной. Ты должен взойти на самый пик и узреть все величие мира.

Тан Шэнь пристально посмотрел на Лян Суна и громко произнес:

— Наставления учителя ученик навек сохранит в своем сердце.

Лян Сун с улыбкой ответил:

— Возвращаемся.

На обратном пути Тан Шэнь размышлял над словами Лян Суна, и уверенность в успехе на послезавтрашнем уездном экзамене крепла в нем с каждой минутой.

За последние четыре месяца Лян Сун неизменно находил изъяны в его экзаменационных сочинениях и стихах. Но теперь юноша наконец понял: наставник придирался вовсе не к содержанию, а лишь помогал ему облечь его мысли в более совершенную форму.

В чем же заключалось главное преимущество Тан Шэня перед людьми прошлого? В том, что он обладал свободной душой и разумом, опережавшими эту эпоху! Он не был скован рамками своего времени, его кругозор всегда оставался на ступень выше, чем у современников. Это и было его сильнейшей стороной и, возможно, одной из причин, почему Лян Сун взял его в ученики.

У Тан Шэня появились некоторые соображения насчет экзамена, и тут он кое о чем вспомнил.

— Учитель, а вы сегодня действительно не смогли подняться на гору Сяншань?

Лян Сун опешил:

— С чего ты это взял?

— Вы просто хотели, чтобы я поднялся на вершину один и сам все увидел?

Лян Сун рассмеялся:

— Ха-ха, ну и дотошный же ты малый! Твой учитель стар, и мне действительно не под силу такие подъемы. Великие горы вызывают благоговение, великие пути ведут за собой. И пусть я не могу достичь вершины, но сердцем своим стремлюсь к ней!

Учитель и ученик провели еще одну ночь в доме цзюйжэня Чжао, где Тан Шэнь переписывал книги, а за день до экзамена вернулись в управу Гусу.

В день уездного экзамена у ворот экзаменационных залов пяти уездов управы Гусу еще до рассвета собралась толпа ученых мужей.

Под усыпанным звездами небом стражники управы оцепили ворота, на место прибыл сам уездный начальник. Главой управы Гусу был Лян Бовэнь, но во время Государственных экзаменов ее объединяли с соседним уездом Усянь, и экзамен проводился совместно. Уездный начальник уезда Усянь Цзя Ляншэн, облаченный в чиновничье одеяние, с шапкой-уша на голове и белой нефритовой дощечкой-ху в руках, прибыл заблаговременно.

Цзя Ляншэн сидел прямо по центру перед воротами. К этому моменту главные ворота и две боковые двери экзаменационного двора были распахнуты настежь. Прямо перед главными воротами поставили стол и стул, где и расположился Цзя Ляншэн. У боковых дверей дежурила стража.

Когда пробил назначенный час, Цзя Ляншэн объявил:

— Кандидатам войти.

Помощник уездного начальника принял приказ, сделал шаг вперед и начал выкликать имена. Каждый раз он вызывал по пять человек. Пятеро кандидатов хором откликнулись, выходили из толпы и переглядывались, подтверждая личности друг друга. Затем помощник выкрикивал:

— Кто поручитель?

Тогда вперед выходил имеющий ученую степень сючай, называл свое имя и объявлял, что ручается за такого-то жителя такого-то уезда.

Это была традиционная для Государственных экзаменов система взаимного поручительства пяти человек.

Перед экзаменом кандидаты должны были разделиться на группы по пять человек и подписать взаимное поручительство. Затем эти пятеро находили сючай, который ручался за них перед властями: подтверждал личность каждого, их благородное происхождение и отсутствие судимостей у родственников в трех поколениях. Если кто-то один из этой пятерки или сам поручитель-сючай попадался на жульничестве, все остальные лишались права сдавать экзамен, лишались ученых степеней и отправлялись в тюрьму под следствие.

Помощник уездного начальника громко выкрикнул:

— Сунь Юэ, Ли Цзинь... Тан Шэнь!

Тан Шэнь шагнул вперед, обменялся взглядами с Сунь Юэ и тремя другими кандидатами, подтверждая их личности. После того как за них поручился сючай, их группа успешно прошла проверку.

Когда помощник уездного начальника убедился, что все кандидаты подтвердили взаимное поручительство, вперед вышел секретарь уезда Усянь. Он выкликал по два имени, и вызванные кандидаты расходились к двум боковым дверям.

Управа Гусу была богатым краем и важным центром проведения Государственных экзаменов, поэтому одаренных ученых здесь собиралось великое множество. Каждый кандидат, держа в руке корзину с высокими ручками для экзаменационных принадлежностей, подходил к боковой двери и протягивал стражнику свиток с описанием своей внешности. После проверки стража пропускала его внутрь.

— Из управы Гусу, Тан Шэнь!

Тан Шэнь подошел к левой боковой двери. Один из стражников взял его корзину и принялся обыскивать на предмет запрещенных вещей. Другой развернул свиток с описанием внешности и внимательно всмотрелся в его лицо.

В свитке значилось: «Тан Шэнь, высок, худощав, без усов и бороды, без родимых пятен, лицом бел и пригож».

— Проходи!

Пройдя обыск, Тан Шэнь взял корзину и вошел во двор.

Когда все кандидаты зашли внутрь, они собрались на пустой площадке перед экзаменационными рядами. Начальник уезда Усянь Цзя Ляншэн вошел во двор и приказал запереть ворота — все три двери тут же захлопнулись. После того как Цзя Ляншэн закончил осмотр, каждый занял свое место согласно полученному номеру.

Всего в экзаменационном дворе было сто двадцать мест — десять рядов по двенадцать мест в каждом, пронумерованных согласно циклическим знакам «небесных стволов и земных ветвей». Тан Шэню досталось место «дин-вэй», то есть четвертый ряд, восьмое место.

Это место сильно отличалось от того, что Тан Шэнь видел в прошлом году, когда Лян Сун приводил его сюда. Помимо ста двадцати столов и стульев, над рядами натянули навес, чтобы защитить экзаменационные листы от солнца и дождя. Но как бы хорошо ни подготовились чиновники управы, стоило всем ста двадцати кандидатам занять свои места, как под навесом быстро стало душно и запахло потом.

Тан Шэнь вздохнул, понимая, что грех жаловаться.

Управа Гусу считалась важным центром проведения Государственных экзаменов, власти уделяли им огромное внимание и могли позволить себе обеспечить кандидатов столами, стульями и защитным навесом. В бедных и глухих краях о навесах не шло и речи, кандидатам приходилось самим приносить с собой столы и стулья на плечах. Порой выходцы из бедных семей, не найдя дома подходящего стола, наперебой одалживали мебель в трактирах и чайных, чтобы унести ее на экзамен.

Когда все ученики расселись по местам, стражники принялись раздавать экзаменационные листы и бумагу для ответов.

Раздался звонкий удар гонга. Тан Шэнь перевернул лист и вчитался в формулировку темы.

Первая тема: «Когда государство идет к расцвету, непременно являются счастливые знамения».

Тан Шэнь опешил.

Надо же, какая простая тема!

Уездный экзамен — единственное испытание во всей системе Государственных экзаменов, тему для которого уездный начальник выбирает лично. Многие чиновники, желая блеснуть эрудицией, давали вычурные темы, вроде печально известных «составных цитат». Немного подумав, Тан Шэнь сообразил: начальнику уезда Усянь Цзя Ляншэну в этом году исполнилось всего двадцать шесть лет, он заступил на должность лишь в прошлом году. В управе Гусу у него не было прочных связей, да и сам он не принадлежал к числу закостенелых чинуш старой

закалки, а потому не стремился умышленно завалить кандидатов.

Фраза «Когда государство идет к расцвету, непременно являются счастливые знамения» взята из двадцать четвертой главы трактата «Чжун юн». Полностью она звучит так: «Когда государство идет к расцвету, непременно являются счастливые знамения; когда государство идет к гибели, непременно рождаются чудовища». Смысл ее прост: накануне великого подъема страны происходят благие предзнаменования, а перед ее крахом объявляется всякая нечисть.

Тема оказалась не избитой, а ее суть — предельно ясной.

Простая тема уберегает учеников от глупых ошибок, но вместе с тем получить за нее высокий балл и занять почетное место становится гораздо труднее.

Однако учитель говорил, что главное преимущество Тан Шэня в том, что он видит дальше и мыслит шире любого человека этой эпохи.

<http://bllate.org/book/18292/1754439>